

История философии

19. Неоплатонизм и отцы церкви.

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, вернемся к Плотину и неоплатонизму. Надеюсь, этот план, эта схема, освежит ваши воспоминания о том, о чем мы говорили в прошлый раз. А именно, что Плотин, как и Платон, был озабочен различием между двумя мирами: вечным и временным.

Но под влиянием этого Среднего платонизма, первых двух столетий, он развивает тройственное различие в вечном царстве, иерархию, если хотите, так что разум, или нус (обратите внимание на преувеличенный термин), является эманацией, проявлением божественного разума, эманацией от единого, добра, а мировая душа, которая одушевляет и упорядочивает природный порядок, природный мир, является дальнейшей эманацией от нуса. Таким образом, то, что, если хотите, определяет нус, то, что определяет нус, — это единство и добро, которые являются природой единого, добра. Хотя нус не является абсолютно недифференцируемым в своем единстве, поскольку он содержит все формы, каждая из которых является принципом единства и добра для определенного вида или типа вещей.

Таким образом, разум в формах обеспечивает единство и благо для каждого вида или вещи. И именно мировая душа, как намекает демиург Платона, является активным участником упорядочивания и оживления мира. Однако, когда речь заходит о временном мире, картина становится сложной.

Во-первых, нус также известен как логос, и, следовательно, в частности, речь идет о логосах-сперматикоях, этом стоическом термине, семенных логосах, формах, в частности, придающих им порядок, управляющих телесным существованием. И он рассматривает человеческую душу двояко, подобно Платону. В своём предсуществовании душа, в своём обиталище в мировой душе, индивидуальная душа в этом вечном состоянии, свободна от телесных привязанностей, свободна от телесных желаний, свободна от телесных забот и имеет более полную долю в интеллекте, вечном нусе.

С другой стороны, душа, воплощенная в теле, постоянно чувствует угрозу, испытывает неуверенность в силу своего телесного существования. И эта неуверенность проявляется в чрезмерном внимании к телесным потребностям и проблемам. Если существует угроза человеческой жизни из-за нашего телесного существования, если в нашем существовании есть физические непредвиденные обстоятельства, то мы склонны сосредотачивать свое внимание на этих телесных вещах.

Именно это чрезмерное внимание к низменным вещам приводит к тому, что он называет падением души в телесный мир. Ее любовь становится низшей любовью, влечением, желанием. Вот где возникает моральное зло.

Жизнь теряет своё единство и доброту. Теперь, эти два способа взглянуть на душу, индивидуальную душу, он иногда называет высшей и низшей душой, как будто он говорит не просто о высшей любви, которая утрачивается из-за низшей любви, как это было у Платона, а как будто он говорит, что у души есть, так сказать, два аспекта. У души есть ноги, насколько у душ есть ноги, в двух мирах, понимаете.

Таким образом, одна половина души тянется к тому, что наверху, а другая — к тому, что внизу. Понятно? И именно в этом напряжении, с особым вниманием к тому, что внизу, заключается падение души .

Теперь вы начинаете понимать, как он собирается решать проблему зла. Как он собирается решать проблему зла? Прежде всего, вся иерархия вещей, в силу этих степеней добра на каждом уровне, иерархия вещей, исходящая от Единого, есть добро.

Нет ничего плохого, абсолютно плохого , что исходило бы от Единого. Нельзя однозначно сказать, что материя — зло, но зло — это вопрос степени. Оно относительно и зависит от положения в иерархии.

Таким образом, телесные желания в этом смысле менее хороши, чем небесные. Поэтому он различает два вида зла. Существует первичное зло, которое возникает просто в процессе эманации.

Первичное зло в том смысле, что определённый уровень бытия менее добр, чем более высокий уровень бытия. И с точки зрения более высокого уровня бытия, быть менее добрым, конечно же, является злом. И здесь можно привести множество примеров.

В том, что яблоко падает с дерева и гниет, нет ничего аморального. Но гниющее яблоко — это лишение хорошего яблока. Оно теряет свою форму, свою целостность и доброту.

Так что, если хотите, то то, что он называет первичным злом, — это своего рода то, что мы бы назвали естественным злом. Но именно в этом стремлении к низшему состоянию, в потере формы, человеческая душа , в частности, приобретает вторичный вид зла. В, так сказать, утверждении своей независимости, в обращении привязанности к низшим вещам, в следовании желаниям, а не разуму, в иррациональном поведении.

Вот это уже вторичное зло. Это моральное зло. И это различие между природным злом, злом, связанным просто с обстоятельствами физического существования, и различием между ним и моральным злом, возникающим из-за неправильного направления чувств.

Это классическое различие подхватил, например, Августин, и мы увидим, что он с ним будет делать в дальнейшем. Итак, если зло связано с нисхождением, падением с первого положения? Платонизм в этой строке вы берете у Мильтона? С первого положения? С заданного уровня в иерархии бытия? Если зло состоит в падении ниже своего назначенного места, то какое же благо мы должны стремиться получить? Что такое добрая жизнь? И добрая жизнь, конечно же, это возвращение к Единому.

Возвращение к единству. Восхождение к добру. Если падение плохое, то восхождение к добру хорошее.

Это возвращение. И Плотин изображает это возвращение в мистических терминах. Таким образом, мы видим развитие мистического пути, мистического пути, по которому человек возвращается к своего рода воссоединению с тем, от чего он отделился.

И мистический путь, как видите, будет снова подниматься по лестнице. Прежде всего, это созерцание природы, чтобы увидеть порядок, единство, добро в природе. Что, в лучших традициях Платона, приводит к созерцанию формы в собственной душе.

Обращение внутрь себя, чтобы созерцать формы, существующие в собственной душе. Врожденное. Что, в-третьих, приводит к созерцанию разума.

Сам космический разум. Форма всех форм. Которая, в конечном итоге, приводит к экстатическому воссоединению с Единым.

Теперь немного комментариев. Я расположил их в порядке возрастания, очевидно, потому что это восхождение. Возвращение.

Но созерцание природы предназначено не для наслаждения отдельными чувственными качествами. Понимаете? А для того, чтобы уловить признаки порядка, единства, которые существуют. Созерцание форм, следующий шаг, звучит очень по-платоновски.

Единство форм в разуме, форма всей формы, созерцание разума, логоса, ведущее к экстатическому воссоединению с единством. Слово «экстатический», буквально, «экста-о». Выйти за пределы самого себя.

Понимаете ? Потому что если это воплощение нашей индивидуальности, и даже индивидуализация в виде отдельной души, если именно наша индивидуальность отдалила нас от Единого, то возвращение к Единому неизбежно приведет к потере всякого индивидуального самосознания. И поэтому эта экстатическая кульминация означает, что чувство единства с Единым лишено какого-либо индивидуального самосознания. Дело уже не в том, чтобы сказать: вот я созерцаю Единое.

Я утрачено . Сознание Я слилось с сознанием всеобъемлющего, из которого Я не является просто эманацией. Поэтому оно обращается к источнику бытия.

Используемые аналогии — это аналогии с водой, текущей из источника, и циклическими процессами испарения воды и так далее, возвращающейся к источнику, откуда она пришла, где она неотличима от остального. Или с светом, который соединен с источником, из которого он исходит, и никогда не отключается. И таким образом он как бы возвращается к источнику, откуда он пришел .

Такое впечатление складывается, когда вдалеке вспыхивает луч света, словно его внезапно притягивает обратно. Да, подозреваю, вы имеете в виду единообразие, предсказуемость. Соедините эти два понятия в платоническом контексте.

Какой вклад в наше понимание Платоном форм вносит наше восприятие природного мира? Это не прямой путь. Частицы настолько изменчивы, а восприятие настолько относительно. Максимум, на что способно созерцание частных, — это стимулировать ум к воспоминаниям.

И по сути, именно это здесь и происходит. Да. По сути, именно это здесь и происходит.

Общая схема мистического пути, которую вы находите, неоднократно повторяется у средневековых мистиков. Вы обнаружите некоторые отголоски этой идеи у Августина. В более поздних авторах это проявляется гораздо сильнее.

Иногда четыре шага, иногда пять. В зависимости от дисциплин на этом пути. Понимаете?

Иногда с большим вниманием к природе, иногда с меньшим. Характерной чертой неоплатонического влияния на христианско-еврейскую мистику в Средневековье является кульминация в этом экстатическом воссоединении. Например, можно найти такую писательницу, как Екатерина Генуэзская, которая в одном месте говорит: « Мое „я“ больше не я».

Я перехожу в Бога. Я становлюсь Богом. Знаете, с учетом обострившихся в XX веке различий между теизмом и пантеизмом, вы говорите: «Она пантеистка!» Что ж, она, безусловно, пантеистка, используя пантеистическую терминологию.

Видите ли. Но я думаю, суть в том, что без этих теологических различий, столь же четко обозначенных тогда, как и сейчас, мы получаем христианское благочестие, интерпретируемое в неоплатонических терминах. Христианское благочестие интерпретируется в неоплатонических терминах.

Созерцательное наслаждение Богом таково, что вы не думаете о себе. Понимаете? И поэтому вы слышите этот пантеистический язык.

Вот такое представление о неоплатонизме мы получаем. И если вы бегло взглянете на антологию, позвольте мне указать на пару отрывков, над которыми вы можете поразмышлять самостоятельно. Страница 6, вернем себе, 497.

В начальном разделе, посвященной главе 497, проводится различие между единым, разумом и мировой душой. Так что вы можете довольно легко это проследить. Это очень просто.

В начале главы 498 содержится примечание о нисхождении души. В главе 498, в новом разделе, 6, говорится о Едином и о том, как мы можем адаптировать его к интеллектуальному пониманию, о проблеме необходимости говорить о Боге как о благе и в то же время за пределами добра в каком-либо различимом смысле, в атрибутивном смысле. А мистический путь наконец-то раскрывается в главе 499 и далее, в разделе 11.

Обратите внимание на последнюю колонку, на 500-ю, на используемый там язык, где говорится, что природа души никогда не выйдет за пределы того, что является полным небытием, но, двигаясь вниз, она впадёт во зло, но не в то, что является совершенным небытием. Однако, двигаясь в противоположном направлении, она достигнет не чего-то другого, а себя. И таким образом, не будучи в чем-то другом, она не поэтому находится в ничто, а существует в себе.

Быть самим собой, а не в бытии, значит быть в Боге. Ибо Бог — это нечто, что не является сущностью, но находится за пределами сущности. Следовательно, душа соприкасается с Ним.

И тот, кто осознает себя общительным с Богом, сам будет подобен Ему. А если он перейдет от себя как образа к архетипу, то его прогрессия закончится. Когда же он отпадет от видения Бога, если же он вновь пробудит в себе добродетель и осознает себя совершенно украшенным, то он снова возвысится через

добродетель и перейдет к разуму и мудрости, а затем к началу всего сущего, к Единому.

Таким образом, это жизнь богов и божественных, счастливых людей, освобождение от всех земных, приземленных забот, жизнь, не сопровождаемая человеческими удовольствиями, бегство от одиночества к одиночеству. Это очень, очень характерно для языка Плотина. Очень характерно.

Есть вопросы, комментарии? Мы ещё не раз увидим подобное у других авторов, но это переход от Платона к неоплатонизму, с которым нам придётся жить и работать на протяжении Средневековья. Понятно? Довольно легко понять эту общую картину. Сложности возникают, если вы пытаетесь читать Плотина, просто потому что он ужасно повторяется.

Помните, я говорил, что было шесть Эннеад, каждая из которых состояла из девяти эссе? Получается 54 эссе, расположенных в совершенно нелогичной последовательности. И это довольно сложная задача. Ладно.

Позвольте мне перейти от Плотина. И, переходя от Плотина, я перейду к истокам христианской мысли у Отцов Церкви. Хорошо? Итак, Отцы Церкви и греческая философия.

Это и есть тема. Взаимодействие христианства с греческой философией было неизбежным по мере распространения христианства в греческом мире и того, как Евангелие начало затрагивать некоторых интеллектуалов. Одним из движений, ставших особенно проблематичными для раннего христианства, был гностицизм, о котором я упоминал ранее, когда мы рассматривали средний платонизм.

Гностицизм, с его дуализмом добра и зла, материи и разума, и с этими двумя источниками, мы имеем две параллельные цепи эманации. В одной из форм гностицизма, представленной Маркионом, и в том, что стало известно как марционизм как христианская ересь, Маркион, например, отождествлял дуализм с Богом Ветхого Завета, отличным от Бога Нового Завета. Таким образом, Бог Нового Завета добр, но совершенно неизвестен, пока не явится во Христе.

Бог Ветхого Завета, создавший материальный мир, поскольку он сотворил материальный мир, он должен быть злым. И поэтому, в соответствии с двойственностью добра и зла, существует двойственность души и тела. Разум или душа – добро.

Тело — источник зла. Для гностиков в целом проблема заключалась в том, как познать Бога, чью доброту мы должны найти. Бога, чья доброта может спасти нас от власти этого материального мира.

И ответ на этот вопрос обычно состоял из двух частей. Во-первых, практиковать аскетизм. То есть, отрицать телесные желания.

Во-первых, необходимо практиковать аскетизм. Во-вторых, нужно пройти посвящение в тайное знание, которое должно быть принято верой. Тайное гнозис, доступное посвященным.

Свет, который, как считается, наполняет душу осознанием добра. Отголоски подобного гностицизма можно найти в Новом Завете, если, например, вспомнить первое послание Иоанна, где он говорит о тех, кто отрицает пришествие Христа во плоти. Он имеет в виду своего рода гностический докетизм.

Мнение о том, что тело Христа было всего лишь явлением. Глагол *doseo* означает просто казаться или являться. Таким образом, воплощение не было реальным, а лишь кажущимся.

Они отрицали, что Христос пришёл во плоти. Аргумент заключался в том, что если Бог добр, а материя зла, то добрый Бог не мог бы принять на себя материальное тело. Следовательно, это всего лишь видимость.

Или, опять же, в Послании к Колоссянам Павел противопоставляет философию, основанную на началах этого мира, философии, основанной на Христе. Он говорит об этом в контексте христианства как философии, любви к мудрости, в буквальном смысле. Вы помните отрывок из Послания к Колоссянам 2 :8 (в переводе короля Якова): « Остерегайтесь философии и пустого обмана», и этот отрывок был подхвачен и использован, неверно переведен и вырван из контекста.

По сути, это означает: остерегайтесь этой философии, этого тщетного обмана, который соответствует традициям человеческим, а не той философии, которая созвучна Христу. Это противопоставляет два типа мировоззрений. А проблема в церкви в Колоссах, которую часто называют колоссальной ересью, заключалась в своего рода протогностицизме, прегностицизме, чем-то подобном, с мистическим путем, включающим поклонение ангелам как посредникам, склоняющим к мистическому пути.

Аскетизм, отречение от тела и тому подобное, отказ от еды, прикосновений, манипуляций. И Павел отвергает подобные вещи. Именно в этом контексте он

говорит о Христе как о Творце, через Которого, для Которого, через Которого, или о наших вещах.

Это снова учение о Логосе, за исключением того, что он не использует термин «Логос», который использует Иоанн. Но это та же самая концепция. Таким образом, в Новом Завете мы видим начало взаимодействия с гностицизмом, который представлял собой смесь восточных и греческих идей, начало взаимодействия с греческой философией.

И это взаимодействие с гностицизмом продолжается у отцов церкви, так что, например, когда мы говорим о Тертуллиане, и давайте немного проясним ситуацию, североафриканском отце церкви Тертуллиане, он очень критически относится к попыткам христианского платонизма или христианского аристотелизма, в основном из-за того, что он видит влияние гностицизма на христианскую теологию. Именно Тертуллиан восклицает: какое отношение Иерусалим имеет к Афинам? Несчастный Аристотель, который научил его этому тщеславному искусству диалектики, превознесению и унижению, и тому подобному. Именно Тертуллиан говорит: я верю в то, что абсурдно.

Credo quia absurdum est. Однако, если вы посмотрите на контекст этого высказывания, которое содержится в его работе «*De Carne Christi*» («Тело Христово»), то увидите, что речь идёт о Воплощении. В этом контексте он просто говорит: «Они, гностики, говорят, что идея божественного воплощения абсурдна». Что ж, я, наверное, верю в то, что абсурдно.

Затем он продолжает утверждать, что это вовсе не абсурд, потому что их предпосылки ошибочны. Материя не зло; материя добро. Тогда он возражает.

Теперь он возражает таким образом, потому что он обратился к стоическим философским идеям. Видите ли, стоики были материалистами. Стоики не считали материю злом.

Они считали материю благом из-за своей теории двойственности. Одна сторона — материальная, стихийная, огненная. Другая сторона — логос.

Итак, если материя сама по себе обладает логическим порядком, то материальный мир обладает логическим порядком, и, следовательно, материя в силу этого логического порядка не является плохой, не является беспорядочной, не является хаотичной, а является хорошей. И, соответственно, он утверждает, что благость материального мира заключается в логосе, который упорядочивает материальный мир. Среди отцов церкви, я думаю, Тертуллиан, безусловно, является тем, кто наиболее далеко зашёл в своих рассуждениях о стоиках, приняв на вооружение большую часть их метафизики.

Остальные, как правило, гораздо более благосклонно относятся к Платону и платонизму. Таким образом, Юстин Мученик, сам Юстин Мученик, был платоновским философом еще до того, как стал христианином. Юстин Мученик.

Обращенный в стоицизм платоник, родившийся в 110 году н.э. Он отвергает стоический материалистический взгляд на душу. Логос.

Он отвергает это. Потому что порядок, основанный на логосе, возможен и без материального логоса. Он предпочитает платоновскую точку зрения на трансцендентного Бога, который посредством божественного логоса, а именно благодаря тому, что логос распространяет формы, непосредственно создал и упорядочил мир.

А человеческая душа, как и Бог, нематериальна. Она не является материальной вещью. Он развивает эту мысль в обращении к грекам.

Джастин Мартир играет с идеей, вернее, с вопросом, как получилось, что некоторые греки, например Платон, приблизились так близко к истине? И он рассматривает две возможности. Первая, скорее, спекулятивная, заключается в том, что Платон каким-то образом должен был читать книги Моисея. Конечно, это чисто аддитивная гипотеза.

этому нет. Это всего лишь выдача желаемого за действительное. Но есть и другая версия: они тоже были просветлены божественным логосом, который просвещает всё сущее в мире.

Помните первую главу Евангелия от Иоанна? Видите ли, Логос — это свет, который просвещает каждого, кто приходит в этот мир. Теперь вы увидите нечто очень похожее, когда перейдете к Клименту Александрийскому. Климент Александрийский.

Название «Александрийский» важно, потому что существовал Климент Римский. Климент Александрийский родился в 150 году н.э. и умер, кажется, около 220 года. Климент Александрийский был хорошо знаком со средним платонизмом и высоко ценил его.

Вероятно, это произошло под влиянием еврейского александрийского философа Филона. Филон Александрийский принял теорию эманаций, подобную той, что существовала в Среднем платонизме.

Он принял идею о том, что во всей цепи эманаций существуют всевозможные промежуточные существа между Единым и всем нисходящим. Всевозможные промежуточные существа. Среди этих промежуточных существ есть высшее,

которым является логос, который, подобно средним платоникам, он называл деутеростеосом.

Это еврей, обратите на него внимание. Второзаконие. А затем формы, логосы, сперматики, упорядочивающие природный мир.

Этот единый Бог, сотворивший мир, дал нам и греческую философию, и Моисеев закон. Мы можем говорить об этом едином Боге в платоновских терминах. Мы можем говорить об этом едином Боге на языке иудейской веры.

Творец всего сущего. И Филон не рассматривает логос как отдельное сознательное существо, отличное от Единого, а как эманацию, строго в платоновском смысле, эманацию божественного существа, изливание, проявление божественного существа. Таким образом, он, по сути, создает еврейскую версию неоплатонизма, приравнивая платоновское представление, сопоставляя его с еврейскими концепциями.

Для этого ему пришлось применить несколько аллегорический подход к толкованию Священного Писания, чтобы утверждать, что некоторые вещи, о которых говорится в Писании, являются аллегорическими способами выражения того, о чём говорит Платон. Так, например, когда Адам и Ева были изгнаны из райского сада и облачены в шкуры, это означало изгнание их предсуществующих душ и их помещение в тела в темницу, подобную тем, что описывает Платон. Шкуры — это тела для предсуществующих душ, падающих в телесный мир.

Итак, аллегорическая интерпретация. Похоже, Климент в некоторой степени находился под влиянием Филона в использовании неоплатонических ресурсов, поскольку стремился использовать ресурсы греческой философии для защиты Евангелия от гностицизма. От гностицизма, понимаете.

Соответственно, он стремился понять греческие идеи и применить их на практике. Особенно ему не нравилась в гностицизме идея о том, что спасение достигается через обретение гнозиса, знания. Спасение, настаивал он, достигается не знанием, а верой.

Второе — это представление о том, что человеческая душа является эманацией Бога. Нет, мы не являемся частями Бога. Душа не является эманацией.

Третье, чему он противостоит, — это любой материализм или детерминизм, подобный тому, что он находил у стоиков. И в свете этого он обратился к Платону. То же самое верно и в отношении четвертого отца церкви, также из Александрии, а именно Оригена.

Ориген. Он гораздо более явно стремится объединить греческие метафизические концепции с христианской верой и доктриной. Ориген подчеркивает, что Бог — это единство.

Теперь вспомните ветхозаветную молитву Шема. Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, един. И Ориген подхватывает эту мысль и развивает её в неоплатоническом ключе.

Бог — это Единый. За пределами всякого разума, за пределами всякого мышления, за пределами всякого определения и различия. Понимаете эту неоплатоническую фразу? Видите ? Это было до неоплатонизма.

Это влияние Среднего платонизма. Сотворение мира — это необходимое творение. Не свободный акт Бога, а необходимое выражение Его бытия.

Он видит это как вечное творение, зависящее от божественного существа. Материя этого миропорядка — та же самая материя, которая использовалась во всей последовательности миропорядков, созданных Богом. Но посредником между Богом, единым, и творением является логос.

Но вот в чем разница между Филоном и Оригеном. Логос — это личностное божественное существо. Логос — это тот, кто воплотился во Христе.

Он обращается к первой главе Евангелия от Иоанна. Слово стало плотью . Иногда он использует термин « эманации» . Как будто Логос — это эманация личностного существа, а за ним следует ещё одна эманация, предшествующая Святому Духу.

Таким образом, мы получаем эту среднеплатоническую Троицу, или, позже, неоплатоническую Троицу, о которой Ориген Александрийский говорил в терминах христианской Троицы. И именно Святой Дух сотворил нематериальные человеческие души, стремящиеся к воссоединению с Тем, от Кого они произошли. Вот такая картина перед нами, и мы увидим больше подобного у Августина.

Возможно, вас заинтересуют некоторые высказывания этих людей . Итак, несколько цитат. Джастин Мартир, давайте посмотрим.

Он говорит: « Со всех точек зрения следует понимать, что только от пророков, которые учат нас по божественному вдохновению, можно узнать что-либо о Боге и истинной религии». Это содержится в его обращении к грекам. И в то же время он цитирует Гомера, Пифагора и Платона.

Находясь в Египте и используя историю Моисея, они впоследствии опубликовали учения о богах, совершенно противоположные тем, которые они ранее распространяли. Они получали знания о Боге только от пророков, и таким образом имели доступ к Моисею. Когда Сократ попытался с помощью истинного разума пролить свет на эти вещи и избавить людей от демонов, тогда демоны, через людей, радующихся беззаконию, осудили его смерть как атеиста и нечестивца, обвинив его в введении новых божеств.

В нашем случае, поскольку он пишет как христианин, они проявляют схожую активность, ибо не только среди греков разум возобладал, осудив эти вещи через Сократа, но и среди варваров, осужденных самим Логосом, который принял облик, стал человеком и был назван Иисусом Христом. Отождествление Логоса со Христом. Нас учили, что Христос — первенец Бога.

Мы провозгласили, что Он есть Логос, причастником которого является каждый род человеческий. Обратите внимание на слово «причастник», «участие». Причастник.

А те, кто живут разумно, — в греческом выражении это означает «те, кто живут с Логосом». Разумно живут христиане, даже если они были атеистами. Среди греков были Сократ, Гераклит и им подобные.

Интересно, не правда ли? Хотите еще раз? Это Джастин Мученик. Его аргументация, кажется, примерно такова. Ранее он сказал: «Историю о Боге можно узнать только от пророков».

Теперь он спрашивает, откуда эти ребята знали так много правды? Сократ, Гераклит. Он здесь не играет на египетской гипотезе. Но так или иначе, Логос просветил их.

Итак, если христиане — это те, кто просветлён Логосом, и эти люди были просветлены Логосом, разве они не христиане? Теперь, если вы проследите этот неявный силлогизм, вы заметите нераспределённый средний член. Замечаете? Все христиане просветлены Логосом. Сократ и Гераклит просветлены Логосом.

Следовательно, Сократ и Гераклит — христиане. Получается, что все христиане просветлены Логосом. Почему бы греческим философам, Сократу и Гераклиту, тоже не быть просветлёнными Логосом? Да, но они могли бы находиться за пределами круга христиан.

Так что в его логике что-то не так. Но главное, что он пытается найти объяснение. Откуда эти язычники так много знают? Вот в чём его вопрос.

И ответ, который он пытается дать, заключается в том, что это благодаря Логосу. Что ж, Климент Александрийский, Сельмас Стайлз, говорит: «Истина едина. И все, на мой взгляд, освещены рассветом Света, с большой буквы». Варварская и эллинская философия оторвала фрагмент вечной истины не от мифологии Дионисия, а от теологии вечно живого Логоса.

Им удалось получить некоторое представление о Логосе. Именно Логос оживляет каждого, кто приходит в этот мир. Поэтому они работают с прологом Евангелия от Иоанна.

Если вы с этим не знакомы, внимательно изучите. Первые 18 стихов Евангелия от Иоанна. Чрезвычайно важны.

И мы обнаружим, что подобная идентификация наблюдается у Августина, у Фомы Аквинского, на протяжении всего Средневековья. В современную эпоху это упускается из виду, поскольку является частью средневековой концептуальной структуры. Именно она лежит в основе того, что они считают уместным учиться у греков.

Потому что источник истины один и тот же, если мы сможем очистить фрагменты истины от ошибочных контекстов. В общем, это отрывок из книги о платонизме, в которой говорится о реакции отцов христианской церкви на Платона. И я думаю, это довольно хорошо всё **总结**.

Главное, что они одобряют у Платона, как мы видели, это осуждение мифологии в «Республике», которое они цитируют дословно на каждой странице. Его идеальная мораль — это, например, принцип, согласно которому добрый человек не причинит вреда своему врагу, на котором он настаивает в ответ на высказывание софиста Трасимаха. Что лучше страдать, чем творить зло.

Его отказ от материализма. Его утверждение бессмертия души. Образы будущих наград и наказаний.

Его провозглашение единого Бога, отца и создателя всего сущего, которого трудно познать. Они высоко ценили значительную часть космогонии творения. Космогония связана с началом космоса.

В частности, речь идет о благодати Творца как о причине этого. И к этому можно добавить много менее обсуждаемых вещей. Логос, Троица, учение о демонах или промежуточных существах использовались для оправдания веры в ангелов.

То, за что они осуждали Платона, они и осуждали. Его уступки народной религии. Его вера в предсуществование и переселение душ.

Его предположение о существовавшем ранее хаосе, который был сведен к порядку, как если бы материя была вечной, несотворенной. Вместо сотворения из ничего и тому подобного. Но они часто цитируют «Тимея», где Платон говорит: «Отца и создателя этой вселенной трудно познать и невозможно открыть всему человечеству».

снова и снова к этому возвращаются. Вот такая картина складывается в трудах Отцов Церкви. Комментарий? Вопрос? Реакция? Заметьте, это довольно избирательный подход.

Они не принимают целиком ни одну философскую точку зрения. Они предпочитают Платона другим. Аристотель, по-видимому, был малоизвестен.

О нём вообще не говорят. А вот о Платоне говорят. А о Давиде? Да, знаете, и некоторые говорят: "О, это своего рода эклектизм".

Отсеивать кое-что здесь, кое-что там, создавать лоскутное одеяло и называть это оригиналом. Нет, они так не делают. Мне кажется, они работают с чем-то, что я называю перспективой.

Они работают, опираясь на свои христианские убеждения. Это отправная точка. Когда они находят у Платона что-то, что, кажется, подтверждает или усиливает какое-либо христианское убеждение, они, как правило, проявляют к этому интерес, используют этот язык, иногда заимствуют соответствующие концепции.

Но при этом они тщательно отделяют это от связей, чуждых христианской вере. Понимаете? Так, хотя они ценят акцент Платона на нематериальности души и её бессмертии и даже используют некоторые из его аргументов в пользу бессмертия, они не принимают его идею предсуществования или переселения душ. Они понимают, что индивидуальная душа создана Богом.

Так что это не просто эклектичный отбор отдельных фрагментов. Они пытаются разобраться в тех же вопросах, которые, конечно же, поднимаются в рамках их христианской теологии. И чтобы развить свои идеи, они используют имеющиеся в их распоряжении ресурсы.

Климент, который был скорее апологетом, чем конструктивным мыслителем, говорил об использовании всех ресурсов культуры для защиты Евангелия. И я думаю, справедливо будет сказать, что другие видят себя использующими не только язык культуры, но и мышление культуры, чтобы сформулировать свои убеждения и таким образом способствовать распространению и укоренению церкви. Если бы они не уделяли пристального внимания Платону, я не думаю, что христианское богословие развивалось бы с той сравнительной скоростью, с которой оно развивалось.

У них не было концептуальных инструментов. Позвольте мне сделать еще одно замечание. Всякий раз, когда вы используете язык какой-либо культуры, вы заимствуете ее идеи.

Если политкорректность что-то и говорит, так это именно это. Понимаете ? Вы используете язык расизма и, возможно, неосознанно перенимаете эту идею. Мне кажется, гениальность отцов церкви заключалась в том, что, используя этот язык, они осознавали, что перенимают эти концепции, и были крайне осторожны в том, как их применяли.

Это не значит, что некоторые из них не ошибались. К 300 году н.э. , я думаю, стало довольно очевидно , что Климент и Ориген ошибались в некоторых довольно важных вопросах . Но не в использовании греческих концепций.

Они ошибаются в том, как их используют, но не в том, как их используют. И этот процесс самокритики и совершенствования продолжается бесконечно. Трудно найти развитую теологию, которая не зависела бы от какой-либо философской схемы.

Назовите любую философскую схему, и я её назову. Лютер, номинализм Оккама. Кальвин, Сенека, Цицерон, стоицизм.

Чарльз Ходж, пресвитерианский теолог, шотландский реализм. Август Хопкинс Стронг, баптистский теолог, личностный идеализм, XIX век. И так далее.

Потому что теология использует язык и понятия, заимствованные из сопоставимых философских позиций.